Николай Петрович Ситников

Николай Петрович Ситников водитель автомобиля ГАЗ-52 бригады ремонтников группы подстанций Алтайэнерго города Зыряновск. Восточно-Казахстанское областное предприятие электрических сетей, Зыряновский район электросетей. ЗРЭС "Алтайэнерго", если сокращенно.

Память предается забвению, фотографии выбрасываются в мусорку, документы и производственные дела сдаются в архив.

Отступлю немного. О фотографиях! Надобно, чтобы кто-то их хранил и передавал из поколения в поколение. Если человек вел беспорядочный образ жизни, предавался пьянству, как часто бывает на северных территориях России, по дорогам жизни растерял свою семью, детей, но продолжал хранить память о них в виде фотографических снимков, и порой в большом количестве, то о таких людях нужно сказать особо. А особенность в том, что после смерти таких людей, все их личные вещи предаются огню, либо просто выбрасываются в мусорный короб и на этом память заканчивается. Такое часто можно наблюдать в больших городах на севере, когда в мусорных баках видны выброшенные толстые альбомы с фотографиями, чья-то память, выброшенная в помойку.

Бывает и так, умер человек беЗхозный, и хоронят его как беЗхозного, он квартиру занимал со времен СССР выданную по распределению от Горисполкома или комбината. А родственников нет или отвернулись родственники от человека, в виду его беспробудного пьянства, а в числе таких

больных людей не редко встречаются женщины. Увозят человека из квартиры, хоронят, а потом квартиру передают (продают, сдают) другим людям, которые тут же принимаются за ремонт. Заходят люди в новую для них квартиру, а там, как правило, вещи от прежнего собственника в очень плачевном состоянии, притрагиваться тошно. Мебель, матрацы, куча вещей, а с ними и фотографии, письма, памятные грамоты, альбомы, видеокассеты с надписью: «Утренник в д/саду», «Выпускной Школа № 33», DVD дисками с надписью: «Наша свадьба» в трех коробках и прочим, прочим, прочим... Куда это деть? И выносится к мусорному баку человеческая память.

Кто помнит о Николае Петровиче Ситникове?! Я помню! И память побуждает написать о нём, оставить след, рассказать об этом человеке, хотя ничем примечательным он не выделялся. У него был сын. И было это в 1994 году. Что сейчас с сыном?

Итак, Петрович и кличка была у него в бригаде «Шлёп-нога». Хромал Петрович на правую ногу. В начале 90-х ему было 50 с лишнем. Причина его недуга мной забыта. Жил он в однокомнатной квартире на 5 этаже хрущевской пятиэтажке на 138 квартале. Жил рядом с работой. А мне приходилось добираться со старого города на подстанцию номер 23 часто пешком и долго, а автобусы по маршрутам «ходили» в городе редко, потому что бензина не было, а жил на Нахимова, 19. Крайняя улица города, а на другом конце города подстанция № 23. Вроде немного, всего 6 километров, но если каждый день, то утомительно.

Была у Петровича вторая группа допуска по электробезопасности, и он мог быть иногда членом бригады, и этому Петрович всегда был не рад. Ведь привезти бригаду на подстанцию куда-нибудь в Чапаево или Путинцево, помочь выгрузится и залечь в кабине — это одно, и совсем другое, когда нужно быть на подхвате, подавать ключи, таскать бочок с маслом, приспособления и разные средства такелажа.

Курил Петрович махорку, сворачивал из газеты «козью ножку» громадным кульком и подпаливая обязательно рассыпал горящую табачную крошку. Если он был за рулем, то огненные искры падали на брюки и на сиденье ГАЗика.

Он много ругался, все предложения, что строил Петрович в диалогах со своими коллегами состояли исключительно из матерных слов.

Потом у него умерла жена. Очень грузная женщина. Готовить к похоронам ее, рыть могилу, а потом и хоронить он попросил своих коллег, в том числе и меня.

Могилу рыли долго на Зыряновском кладбище, в Западном. Я старался, не жалея себя, вгрызался в землю, копал обливаясь потом и постоянно испытывал дикую жажду, которую пытался утолить водой из привезенной Петровичем алюминиевой фляги. Вода была теплая и сушила рот.

Могила должна быть два метра в глубину, определённой ширины и длины. Мне было без разницы, что делать, хоть могилу копать ведь шел рабочий день, и это все же лучше, чем сидеть на трансформаторе какой-нибудь девятой подстанции и тереть изоляторы до жемчужной белизны.

Ждали сына. Лето и температура на улице за 30. Я впервые тогда узнал, что такое жидкий азот и как он выглядит. Он есть и ее как бы нет. Он льется из емкости как вода, но в тоже время в те места куда он попадает он не наблюдается. Вылили в гроб несколько бачков. Брали его на

ламповом заводе в Старом городе, по «семерке».

Сын приехал. Азот сдерживал разложения тела, но оно все равно раздулось и гроб кое-как закрыли, забив крышку накрепко гвоздями. Выносили на балкон через открытое окно, а там с пятого этажа на землю спустили на верхних поручнях люльки Автомобильного ГидроПодъемника.

Похоронили быстро.

Говорят, они ругались сильно. Петрович злоупотреблял спиртным, а кому это будет по душе? Петровичу не было еще и 60 лет, жена была примерно его возраста. Что тут сказать? Рано умерла она. Да и сам Петрович недолго прожил после ее смерти. Спустя время я узнал - Петрович умер.

Одиннадцатого мая 1994 года мне подарил Библию брат Петр Шевель.

Конечно же приступив к ее чтению, я принялся делиться на работе со своими коллегами сделанными открытиями. Поражаясь откровениями от Господа, важными знаниями я их тут же озвучивал этим ребятам, в том числе и Петровичу. И как солнечный день мне были понятны слова Христа, что Он является Спасителем, что только через Него есть возможность обрести жизнь вечную и сама эта возможность меня поражала чрезвычайно — ЖИТЬ ВЕЧНО! И это не выдумка фантастов, это слова из Божьей Книге. Я поверил сразу каждому слову записанному в Святом Писании. Поверил безоговорочно, безусловно и для меня лично это была великая милость, оказанная мне тогда от Господа.

Но ребята не поверили. В бригаде на меня махнули рукой, как на человека, который еще вчера был «нормальным», а сегодня лишился ума. А Петрович смеялся, подкрепляя матерными выражениями свои мысли касательно веры, Библии и Господа.

Почему я вспоминаю о нём? Скорее всего потому, что он был добрым! Были дни мои в бригаде, когда я испытывал трудности и с руководством, и с коллегами, а он как-то по-отцовски относился ко мне, с таким уважением, которое мной еще не было заслужено.

Комментарии
